

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42

EDN: GEQNDS

Научная статья / Research article

Структура полиидентичности мигрантов: на материале цифровых нарративов

Т.В. Поплавская^{id}, Т.И. Свистун^{id}✉

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Беларусь,

✉ tess17@mail.ru

Аннотация. Наличие многочисленных теорий идентичности личности и разнообразие идентитарных исследований свидетельствует о стабильном интересе к феномену идентичности как в науке, так и в общественной жизни. Специфика процесса идентификации проявляется в том, что ее субъектом может стать как индивид, группа, так и организация, бренд и территориальное объединение. Идентичность представлена в каждом субъекте в разных видах одновременно и может трансформироваться из одного вида в другой под действием обстоятельств. В работе в качестве объекта исследования выделен феномен полиидентичности как совокупности различных видов идентичности на основе вхождения индивида в коммуникативное пространство более одной социальной группы. Многомерность полиидентичности дает возможность выделить ядро и периферию в ее структуре. В результате контент-анализа англо- и русскоязычных цифровых нарративов мигрантов выделяются языковые средства (этнонимы, топонимы, наименования профессий, родственных связей, вкрапления, переключение кода и т.д.), реализующие различные виды идентичности. Данный факт позволяет утверждать, что структура полиидентичности мигрантов представлена целым спектром видов идентичности: национальной/этнокультурной, территориальной, языковой, профессиональной, политической, расовой, возрастной, гендерной, религиозной, идентификацией с семьей и друзьями, юридическим/социальным статусом, периодом проживания в принимающей стране. Наиболее репрезентативными в языковом плане видами выступают национальная/этнокультурная, территориальная, профессиональная и языковая идентичности, что указывает на их особую значимость в процессе самоопределения и адаптации мигрантов. Эти виды идентичности составляют ядро. На полупериферии находятся идентичность по юридическому/социальному статусу и времени проживания в принимающей стране, а на периферии — политическая, расовая, возрастная, религиозная, гендерная идентичности и идентичность по сексуальной ориентации. Таким образом, структура полиидентичности — это уникальный конструкт для каждого индивида в определенный период его жизни, имеющий определенные языковые метки, которые помогают индивиду выразить свою идентичность, с одной стороны, а окружающим — декодировать это, с другой стороны.

Ключевые слова: виды идентичности, полиидентичность, мигрант, нарратив, топоним, наименования профессий и семейных связей, этноним, кодовые операции

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

© Поплавская Т.В., Свистун Т.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: Поплавская Т.В. — концепция исследования, обзор литературы, составление библиографического списка, заключение; Свистун Т.И. — сбор и обработка материала, написание текста, перевод на английский язык. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поплавская Т.В., Свистун Т.И. Структура полиидентичности мигрантов: на материале цифровых нарративов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42> EDN: GEQNDS

Migrants' Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives

Tatiana V. Poplavskaia^{id}, Tatiana I. Svistun^{id}✉

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Belarus
✉ tess17@mail.ru

Abstract. The existence of numerous personal identity theories and the diversity of identity studies show a never-ending interest in this phenomenon in both science and public life. The unique nature of the identification process is that its subject can be an individual, a group, an organization, a brand, or a territorial entity. Identity is found in each subject in different types simultaneously and can transform from one type to another under the influence of circumstances. This paper explores the phenomenon of polyidentity as a set of various types of identity based on an individual's inclusion in the communicative space of more than one social group. The multidimensionality of polyidentity allows us to distinguish between a core and a periphery within its structure. The content analysis of migrants' digital narratives in Russian and English reveals linguistic means (ethnonyms, toponyms, names of professions and family ties, code-switching, etc.) that embody various types of identity. This fact allows us to assert that the structure of migrants' polyidentity is represented by a whole spectrum of identity types: national/ethnocultural, territorial, linguistic, professional, political, racial, age, gender, religious, identification with family and friends, legal/social status, and period of residence in the host country. The most linguistically representative types are national/ethnocultural, territorial, professional, and linguistic identities, indicating their particular significance in the process of self-defining and adaptation of migrants. These identity types form the core of the structure. On the semi-periphery are those identities based on legal/social status and time of residence in the host country, while on the periphery are political, racial, age, religious, gender, and sexual orientation identities. Thus, the structure of polyidentity is a unique construct for each individual at a particular period of their life, characterized by specific linguistic markers that help the individual express their identity and help others decode it.

Key words: types of identity, polyidentity, migrant, narrative, toponym, names of professions and family ties, ethnonym, code operations

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Authors' contribution: Poplavskaia T.V. — research concept, literature review, bibliography, and conclusion; Svistun T.I. — data collection and processing, writing, and translation into English. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Poplavskaia, T.V., and T.I. Svistun. 2026. "Migrants' Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 30–42. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42> EDN: GEQNDS

Введение

Более 100 лет назад М. Шелер писал, что «за последние десять тысяч лет истории мы первая эпоха, когда человек стал совершенно «проблематичен»; когда он больше не знает, что он такое, но в то же время знает, что он этого не знает» [1. С. 70]. Это высказывание в полной мере отражает и современную ситуацию. Действительно, меняющиеся условия развития человеческого общества, несомненно, влекут изменения в процессе само-/идентификации. Дискуссии по поводу уместности употребления местоимений *they/them* для обозначения отдельных индивидов, пересмотр прав и обязанностей работника после появления зумеров на рынке труда, приход на ключевые посты в государственном управлении бывших мигрантов — это лишь некоторые вопросы, связанные с сущностью таких видов идентичности, как гендерная, профессиональная и этнокультурная. Кроме того, специфика процесса идентификации проявляется, во-первых, в том, что ее субъектом может стать как индивид, группа, так и организация, бренд и территориальное объединение. Во-вторых, идентичность представлена в каждом субъекте в разных видах одновременно. В-третьих, она подвержена изменениям под воздействием различных обстоятельств и может трансформироваться из одного вида в другой. Все эти свойства идентичности делают ее заметным общественным явлением, интерес к которому неуклонно растет. Так, поисковый запрос в Google на словосочетание *identity studies* выдает 570 млн ответов.

Теоретические основы изучения идентичности представлены во многих научных парадигмах и школах. Наличие многочисленных теорий идентичности личности и разнообразие идентитарных исследований свидетельствует о значимости данного феномена в науке. Часть теорий возникла на стыке социально-гуманитарных дисциплин и пришла из философии и логики, а в XX в. прочно закрепилась в социологии, психологии, антропологии и коммуникативистике. В теории психосоциального развития Э. Эриксона рассматриваются 8 этапов становления идентичности, начиная с младенчества и заканчивая глубокой старостью. Основой теории является положение о том, что в течение всей жизни идентичность претерпевает различные трансформации [2]. В психологии и межкультурной коммуникации свое распространение получила и теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, которая фокусировалась на том, как социальная группа влияет на механизмы категоризации: “Social categorizations are conceived here as cognitive tools that segment, classify, and order the social environment, and thus enable the individual to undertake many forms of social action... They create and define the individual’s place in society” [3. Р. 40]. Один из авторов теории культурной идентичности М.Дж. Коллиер, развивая ее в последующих работах, также указывала на динамичный характер идентичности, подчеркивая, что идентичность прояв-

ляется в целом ряде форм коммуникации “including conduct of groups of people, discourse in public texts, mediated forms, artistic expressions, commodities and products, and individual accounts and ascriptions about group conduct” [4. P. 237]. Наконец, Ш. Страйкер, определяя идентичность в рамках теории идентичности, считает, что идентичность — это “parts of a self composed of the meanings that persons attach to the multiple roles they typically play in highly differentiated contemporary societies” [5. P. 284]. Т.В. Поплавская, совмещающая и культурную, и коммуникативную природу идентичности, трактует поликультурную идентичность как «вхождение индивида в коммуникативное пространство более чем одной культуры и осознание себя принадлежащим им» [6. С. 214].

Современный этап развития идентитарных исследований обозначил тенденцию, указывающую на растущую междисциплинарность использования понятия «идентичность». Технологический прогресс, цифровизация многих аспектов человеческой деятельности, активная миграция, социальные трансформации способствуют этому. В результате особенности процесса идентификации рассматриваются в социологии и социолингвистике, в психологии, этнопсихологии и антропологии, в политологии и имиджологии, коммуникативном менеджменте и многих других областях. Интерес лингвистов к феномену идентичности, во-первых, реализуется через внимание к культурно маркированным единицам, показывающим неразрывную связь языка и культуры [7–9], а во-вторых, к некоторым видам идентичности (национальной, профессиональной, возрастной, гендерной и т.д.). Можно выделить отдельные исследования, посвященные языковой экспликации этнической и национальной идентичности [10–12], региональной идентичности [13], профессиональной идентичности [14]. В работе П.Г. Асташкиной, например, были определены языковые маркеры идентичности на грамматическом, лексическом, концептуальном, оценочно концептуальном уровнях при сопоставлении русско- и немецкоязычных медиатекстов [15]. В трудах И.В. Приваловой на основе комплексного анализа были установлены языковые феномены, которые эксплицируют национально-культурную специфику языкового сознания представителей русской и американской лингвокультур на материале лексикографических изданий, текстов различных жанров и результатов психолингвистического ассоциативного эксперимента [11]. В работе А.Ю. Багияна предпринята попытка лингвистического моделирования профессиональной идентичности на основе анализа когнитивно-дискурсивной матрицы [14]. Особый интерес ученых также привлекают особенности языковой экспрессии писателей-билингвов, использующих в своем творчестве как язык титульного народа, так и миноритарных сообществ [16] и реализующих множественную языковую идентичность. В целом обращение к языковой составляющей различных видов идентичности поможет системно подойти к изучению процесса идентификации, выделить и описать основные языковые явления, фигурирующие в качестве вербальных репрезентантов идентичности.

Цель исследования — установить специфику языковой репрезентации различных видов идентичности в цифровых нарративах мигрантов для выявления структуры полиидентичности. Таким образом, в качестве объекта исследования выступает полиидентичность. Предметом исследования являются ее структура как комбинация разных видов идентичностей (национальной/этнической, гендерной, профессиональной, религиозной, возрастной и т.д.) и языковые средства ее реализации как факты дискурса, которые можно зафиксировать в текстах. Материалом исследования послужили видео с YouTube на русском и английском языках, в которых мигранты рассказывают о своей жизни в новой стране.

На первом этапе исследования было отобрано 40 YouTube-видео и составлены скрипты либо с помощью функциональной возможности YouTube превращения аудиоречи в текст, либо с помощью создания текста автором работы на основе прослушанного. Общий объем видеофрагментов составил около 800 мин. География в рассматриваемых нарративах, безусловно, обусловлена двумя языками исследования: русским и английским. Соответственно, в большей степени страна происхождения мигрантов — Китай, Израиль, Литва, Германия, Россия, Украина, Таджикистан, США, Сирия, Казахстан, Туркменистан, а принимающие страны — Беларусь, Новая Зеландия, Канада, Австралия, Португалия, Черногория, Великобритания, Норвегия.

На втором этапе исследования выявлены различные языковые средства, посредством которых мигранты описывали либо собственную идентичность, либо идентичность других мигрантов. Описание представителей титульной нации не принималось во внимание. Затем выделенные языковые средства объединялись в группы исходя из их лексико-семантических характеристик (топонимы, наименования языков, рода занятости и т.п.).

На третьем этапе определены наиболее типичные комбинации видов идентичности (этнокультурной, территориальной, профессиональной и др.), что легло в основу характеристики структуры полиидентичности мигрантов.

Обсуждение

Анализ языковых средств, используемых мигрантами в своих нарративах, позволяет определить ту социальную группу, к которой мигрант себя относит, и, соответственно, выявить вид идентичности. На нашем материале зафиксированы языковые средства, которые реализуют следующие виды идентичности:

1. национальную/этнокультурную;
2. языковую;
3. по профессии или роду занятости;
4. по семейным и дружеским связям;
5. территориальную;

6. по продолжительности проживания в новой стране;
7. по юридическому/социальному статусу;
8. возрастную;
9. расовую;
10. политическую;
11. по сексуальной ориентации;
12. гендерную;
13. религиозную.

Рассмотрим группы языковых средств, которые позволили выявить перечисленные виды идентичности. Языковыми средствами выражения национальной/этнокультурной идентичности являются этнонимы, т.е. однословная лексическая единица, называющая людей по принадлежности к нации или государству: *...I am actually **American**; I am half Norwegian and half German*. Как правило, мигрант указывает этот вид идентичности по стране происхождения, а не пребывания. Указание на национальную или этнокультурную идентичность также осуществляется за счет культурно-специфических понятий, реалий (названий блюд, праздников): *So I've had a lot of um growing up on **baboki** and some other kind of **Slovak meals** which I feel **make me** somewhat **connected** to that; Когда был **Навруз**, меня позвали на мероприятие...; **Плов** — это наше национальное блюдо, но его готовят не только туркмены; Однажды я пошла в гости. Там готовили **борщ** и **драники**, очень вкусно. Мигранты приводят примеры интересных традиций, которые удивили их в новой стране: *Белорусы **готовят национальные блюда в лесу**, не так как в Китае*. Общность со страной и культурой происхождения прослеживается, если упоминаются контакты с соотечественниками: *До этого я не знал о **землячестве**.... После я познакомился с **Советом землячества**, сказал, что я тоже хочу... Я почувствовал **азиатский вайб**... с этого началась моя активная жизнь помимо учебы; Туркмены часто ходят к друг другу в гости, и сегодня у нас наши друзья*.*

Подавляющее большинство нарративов содержит информацию о языке или языках, которыми владеет мигрант, поэтому наименование языка и иногда уровень владения указывают на это: *Естественно, все **русскоязычные**, которые здесь живут, жалуются каждый год всегда; По поводу **русского языка** тоже интересный такой момент. Он **становится твоим семейным интимным языком**; Это такой прикольный момент жизни **русскоязычного мигранта в англоязычной стране**; *I did speak a little bit of Norwegian when I came to Norway I had some **basic Norwegian skills** but I did not understand what was said on TV or what was written in the newspapers that was way **too advanced** and I did not understand all the **dialects***. Не всегда у мигранта есть необходимость учить местный язык. Приведем примеры, подтверждающие это: *...чувак, который 5 лет живет в Будве, до сих пор **не выучил язык**, работает на удалёнке в России; В Португалии все говорят на английском и **нет никакой****

надобности учить португальский... то есть можно и было бы классно, но для какого-то бытового общения вообще нет никаких проблем общаться на английском; They didn't care that I was speaking English. Kids here in Norway understand English ... it doesn't matter if I speak Norwegian or not it was no problem. В некоторых нарративах отмечается, что уровень владения языком принимающей страны предопределяет, станет ли мигрант «своим» в новом окружении: *Каким бы совершенным не был ваш английский, у местных настолько развито чувство на акценты, что как только вы начнете говорить, в вас моментально распознают самозванца, а самозванцам здесь просто так доверять не принято, далеко не всем удастся стать здесь своим; Almost everyone can speak English here, but there is still some language barrier because, like, the bigger the group you're around, the more they're just going to speak Norwegian to each other; У меня всегда был хороший русский язык и мне это очень помогало по жизни в том числе и в Беларуси.*

Отметим также, что сам язык повествования характеризуется значительным количеством кодовых операций от переключений до вкраплений. Поскольку в качестве материала выступали видеофрагменты, оценить графическую сторону кодовых операций не представлялось возможным, но можно было оценить произношение и морфологические характеристики употребляемых лексических единиц. В следующем примере наименование профессии осуществляется на английском языке, т.е. это переключение кода, а единица *в гринлистах* является окказиональным заимствованием, получившим окончание множественного числа предложного падежа: *Моя профессия — это construction project manager. Соответственно, Денис сразу сказал: «Ну, ты, дружище, ты в гринлистах...».* В целом использование английского слова с русским окончанием в нужном числе, падеже или склонении, спряжении фиксировалось достаточно часто в нарративах русскоязычных мигрантов, переехавших в англоязычные страны: *триггерит* от англ. *trigger*, *ассайменты* от англ. *assignment*, *хитпампы* от англ. *heatpump*, *два джопофера* от англ. *job offer*, *в даунтауне* от англ. *downtown*, *на хайвеях* от англ. *highway*. Кодовые операции на базе других языков встречались значительно реже: *серелинай* лит. ‘цепелины’, *памяркоўны* бел. ‘рассудительный, покладистый’, *Доуинь* кит. 抖音 (китайский Tik Tok). В большинстве своем мигранты — это пример множественной языковой идентичности с ярко выраженной асимметрией в сторону доминантной позиции языка титульного народа, поскольку взаимодействие в рамках учебы и работы осуществляется на нем. Исключение составили мигранты, проживающие в странах, где английский, помимо государственных языков, также выступает одним из языков общения (Португалия, Норвегия).

Идентификация по профессии или роду занятости реализуется за счет наименований профессий либо употребление обобщенных понятий *специалист, профессионал, квалифицированный*: *И каким-то чудом через нетвор-*

кинг мне удалось найти работу и прямо сразу же **construction project-менеджером**; Новая Зеландия — это страна иммигрантов из разных стран и иммигрантов **квалифицированных**; То есть сюда едут специалисты, которые могут здесь устроиться...; *I have a bachelor's degree in dance and I am a **dance teacher***. Необходимо отметить, что названия профессий в русскоязычных нарративах, как правило, приводятся на языке оригинала, т.е. они являются вкраплениями: *чтобы здесь начать работу в качестве **flight dispatcher** в авиакомпании*. Изредка встречается упоминание компаний, организаций: *I was a full time cosplayer and did a collaboration with the Norwegian **tech startup Cosgear***; сегодня я занимаю должность главного раввина **Иудейского религиозного объединения в Республике Беларусь**; *Это мой институт, университет культуры и искусств*. В отдельных случаях отмечается снижение ожиданий получить работу по профессии, и мигранты соглашались на любой неквалифицированный труд: *I saw a Slovakian couple post on a job forum looking for work: one had a master's in education, and the other had a mechanical engineering degree. But after no luck in those fields, they were expecting and open to any work in **hospitality, house cleaning or factories***; я сразу могла найти себе работу, **пускай не та, которая у меня там была, не бухгалтер**. Да ну что, я работаю **продавцом** в магазине «Евроопт». Не все авторы нарративов являются занятыми на рынке труда. Есть среди них и студенты. Они характеризуют себя следующим образом: *Я приехал из Китая в Беларусь **учиться***.

Идентификация с нуклеарной семьей выражена посредством наименований родственных связей: *В прошлых видео я уже рассказала, где я потеряла своего **мужа айтишника**; **сын** на основе визы **жены** уже получает его визу, которая называется *Dependent Child Student Visa*, и он имеет право бесплатно обучаться в новозеландской школе. При этом встречаются и упоминания родственников, которые входят в понятие «расширенная семья»: *При поступлении мне помогал советом **дядя**. **My grandmother** when she was a child I believe she came from Czechoslovakia when it was actually a country she had moved over to the United States; **My husband's** contract and visa was coming up to an end. So he had suggested that maybe I go to Norway with him*; зимой приехала к нам в семью **двоюродная сестра со своим мужем**. В редких случаях мигранты упоминают дружеские связи: *I found it more **difficult to make friends here** than in other countries that I had lived in before but the **friends that I did make here**, well, only two of them are British; **My boyfriend** turned the application in for me in Norway; I'm able to keep in touch with **my dad and friends** fairly well. I'm still part of the **friend group chat**, which really helps me feel included*. И подчеркивают значимость общения в кругу друзей: *Сегодня мы с друзьями собрались в этой уютной кафешке под названием «Душанбе». Мы тут **часто собираемся, едим и чувствуем себя в такой домашней атмосфере**... Мы уже **дружим больше трех лет**. И на протяжении этого времени мы **стали более близкими, почти братьями***.*

Идентификация с территорией в языковом плане осуществляется в применении топонимов, называющих различные географические объекты: *То есть неправильно сравнивать двухкомнатную квартиру где-нибудь в Иркутске моём родном...; Я хочу развивать танцы в нашем городе, городе Лиды; я живу в городе Каишайш (Cascais) в Португалии. Если быть точнее, то в Эшта-риле (Estoril), но это тоже, можно сказать, Каишайш; I'm from a very small town in Germany and now I live in a very big city London.* Следует также упомянуть, что топонимы варьируются от страны и города до названия района, улицы, местной достопримечательности: *А люди, которые приезжают из некоторых стран Европы, из там, не знаю, из Израиля...; Чтобы вам было не скучно, я буду показывать прогулку по району или пригороду Крайстчерча (Christchurch, New Zealand), который называется Линкольн, где я живу. Я покажу, как здесь всё устроено; Сегодня мы не будем наслаждаться закатом над Которским заливом (Бока которска, Черногория); Я любил ходить по проспекту Независимости.* Хотя встречаются и упоминания континентов и крупных регионов: *I moved across the planet from North America all the way to Northern Europe.*

Временной период, который мигранты проживают в принимающей стране, часто находит свое отражение в нарративах. Чаше всего приводится конкретное количество лет: *небольшой итог моему одиннадцатилетнему пребыванию в Канаде; на данный момент я больше 2 лет живу в Португалии; I've also been raising a family here for over six years; I have lived in the UK for almost 11 years; Я здесь живу уже 25 лет...; я приехала подростком, здесь окончила школу и получила высшее образование; Шесть лет назад я переехала в Республику Беларусь и живу в красивейшем городе Гродно; уже 16 лет я живу и работаю в Беларуси. Я приехал молодой в чужую страну.*

Упоминание юридического и/или социального статуса мигранта фиксируется во всех нарративах. При этом обсуждается не только статус автора нарратива, но и его окружения: *иммигрант, беженец, резидент, гражданин, ВНЖ, временно прибывший на учебу и т.п.: У меня есть знакомые, кто получали ВНЖ учебные, кто получали ВНЖ по контракту рабочему, как Digital nomad получали ВНЖ; ... a guy who moved from Venezuela to Italy once he got his Italian citizenship; my skilled worker visa was... ..rejected.* В нарративах зачастую отмечается, что социальный статус мигранта при переезде в новую страну снижается: *many immigrants, honestly, in any country, will also experience a subjective loss of social status.* Однако среди мигрантов много и тех, чей статус был низок и в стране происхождения: *immigrants, especially refugees, are uneducated; А есть иммигранты, скажем так, неквалифицированные, которые понаехали и не добавляют этому обществу каких-то поинтов; приехало немало людей с криминальным прошлым и множество липовых беженцев.*

Идентификация с расой была зафиксирована только в нескольких случаях, связанных с тем, что именно раса может послужить причиной дискри-

минации: *I benefit from being **fair skinned**. I obviously **pass visually** so I don't get the day to day issues.*

Авторы нарративов редко упоминают свой возраст. Обычно возрастная идентичность проявляется не в указании на количество лет, а на период жизни (молодость, взросление). Если возраст и упоминается, то только как отправная точка при переезде: *I moved to Norway when **I was 20 years old** so I spend most of my **adult life** in Norway; И люди, соответственно, выбирают Австралию, а в том числе и **молодые**, в том числе **специалисты**. Точный возраст встретился лишь однажды: я удовлетворю ваш интерес и с удовольствием расскажу, как **двадцатипрехлетняя** тогда и **двадцатисемилетняя сейчас** Женя заработала себе на этот переезд без мам, пап, кредитов и мужей.*

Политическая идентичность встречалась в единичных случаях. Приведем пример: *I am not a **Democrat** and I'm not a **Republican**. I have been **registered** through the **Green Party** because I think I had to put in what I was registered when I was 18. I never went and switched anything out.*

Идентификация по сексуальной ориентации реализуется имплицитно через противопоставление *они — мы*, где *они* — это представители ЛГБТ-сообщества, а *мы* — это те, кто разделяет традиционные ценности, не посещает гей-парады: *Здесь можно, э, **людям одного пола сочетаться браком**... даже в церкви венчаться... при этом проходят какие-нибудь иногда **pride parade**... Ну, парадом, честно говоря, это сложно назвать. ...Я, честно, никогда на них не был... многих это триггерит, что ай-ай-ай, как так скрипят наши скрепы ... Поэтому подумайте, если для вас более консервативные взгляды, традиционные семейные ценности и всё остальное более важны...*

Поскольку материалом исследования выступили YouTube-видео, в которых половую принадлежность зритель мог определить по внешнему виду автора нарратива, языковых средств, указывающих на этот вид идентичности, практически выявлено не было. Исключение составили наименования членов семьи и друзей, имеющие в структуре лексического значения компоненты «мужской/женский пол»: *мама, дядя, муж, жена, сын, boyfriend*. Религиозная идентичность также не была отражена в корпусе исследования, за исключением упоминания профессии *раввин* и организации *Иудейское религиозное объединение*, а также мусульманского праздника *Навруз*.

Рассматривая феномен идентичности в зависимости от социальной группы, с которой идентифицирует себя субъект, можно выделить такие виды идентичности, как гендерная, этническая, национальная, профессиональная, территориальная, цифровая и др. В ходе контент-анализа отобранного материала были выявлены наиболее и наименее репрезентативные комбинации видов идентичности. Известно, что в процессе своей жизнедеятельности индивид причисляет себя одновременно к нескольким социальным группам, т.е. описывает себя как обладателя нескольких видов идентичности. Многоаспектность идентичности подчеркивают многие авторы. Так, Дж. Котэ пишет

о многомерности (multidimensionality) как свойстве идентичности, при этом уточняя, что ее проявления необходимо анализировать на трех уровнях: the subjectivity of the individual, behavior patterns specific to the person, and the individual's membership in societal groups [17. P. 8]. На наш взгляд, целесообразно употребить термин «полиидентичность», говоря о результатах проведенного нами анализа и выявленных видах идентичности, а также способах ее выражения на уровне субъекта, в нашем случае мигранта. Мы определяем полиидентичность как явление, вмещающее в себя спектр идентичностей на основе вхождения индивида в коммуникативное пространство более одной социальной группы.

Многомерность полиидентичности дает нам возможность выделить ядро и периферию в ее структуре. Как следует из материала исследования, наиболее распространенной комбинацией видов идентичности является комбинация национальной/этнокультурной, языковой, профессиональной и территориальной идентичности. Эта комбинация встречается во всех нарративах, что указывает на ее центральное положение и значимость. Она составляет ядро полиидентичности. Менее представленными видами идентичности являются идентичность по юридическому/социальному статусу и времени проживания в принимающей стране, т.е. эти виды идентичности находятся на полупериферии. В единичных случаях мигранты реализуют политическую, расовую, возрастную, религиозную, гендерную идентичности и идентичность по сексуальной ориентации, что позволяет утверждать, что эти виды находятся на периферии феномена «полиидентичность».

Заключение

Результаты анализа цифровых нарративов показали, что структура полиидентичности мигрантов представлена целым спектром видов идентичности: национальной/этнокультурной, территориальной, языковой, профессиональной, политической, расовой, возрастной, гендерной, религиозной, идентификацией с семьей и друзьями, юридическим/социальным статусом, периодом проживания в принимающей стране, сексуальной ориентацией. Но наиболее репрезентативными видами выступают национальная/этнокультурная, территориальная, профессиональная и языковая идентичности, что указывает на их особую значимость в процессе самоопределения и адаптации мигрантов. Отдельные виды идентичности остаются мало или совсем не реализованными (политическая, религиозная, возрастная, расовая, сексуальная ориентация, гендерная). Языковыми средствами выражения различных видов идентичности выступают этнонимы, топонимы, наименования профессий, родственных связей, языков, вкрапления, переключение кода, заимствования и т.д. При этом необходимо подчеркнуть, что структура полиидентичности — уникальный конструкт для каждого индивида в определенный период его жизни,

осознание того, кто ты есть здесь и сейчас, имеющее определенные языковые способы экспликации, своеобразные метки, которые помогают индивиду выразить свою идентичность, с одной стороны, а окружающим — «считать» это — с другой. И, естественно, при изменении неких внутренних (переезд, брак, рождение ребенка, получение образования, новой профессии и т.д.) и внешних (политическая ситуация, военный конфликт, позиция СМИ по отношению к мигрантам в целом и определенной группе в частности) жизненных обстоятельств полиидентичность конкретного индивида может получить новое развитие.

Перефразируя высказывание Д.Б. Гудкова о том, что, исследуя языковое сознание в его индивидуальных формах, мы при этом обращаемся к той инвариантной части в структуре каждой языковой личности, которая является общей для всех членов лингвокультурного сообщества и служит для самоидентификации последнего [18. С. 40], мы можем заключить, что анализ языковых средств экспликации идентичности мигрантов дает нам возможность выйти на новый уровень обобщения и раскрыть структуру их полиидентичности, выделить наиболее значимые ее компоненты.

Список литературы

1. Шелер М. Избранные произведения / пер. нем. Москва : Гнозис, 1994.
2. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. Москва : Прогресс, 1996.
3. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Belmont, CA : Wadsworth, 1979. P. 33–47.
4. Collier M. Theorizing cultural identifications: Critical updates and continuing evolution // Theorizing about intercultural communication / ed. by W.B. Gudykunst. Sage, 2005. P. 235–256.
5. Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Vol. 63. No. 4. 2000. P. 284–297. <https://doi.org/10.2307/2695840> EDN: HAJCFV
6. Поплавская Т.В. Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 214–228. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-213-228> EDN: XVPNOK
7. Телия В.Н. Русская фразеология : семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с. ISBN: 5-88766-047-3 EDN: SUMHJ
8. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
9. Дуктова Л.Г. Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX–XXI веков // Филология: научные исследования. 2024. № 6. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.6.71045> EDN: ITAETU
10. Мосягина М.С. Проблема этнической идентичности и ее отражение в англоязычном медиадискурсе // Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия : материалы Межд. науч.-практ. конф. Брянск, 2021. С. 155–160. EDN: ZBGGBT
11. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... д-ра филологических наук: 10.02.19. Москва, 2006. 486 с. EDN: MFERBV
12. Свистун Т.И. Компоненты национальной идентичности (в медиадискурсе Беларуси) // Вестник БГУИЯ. Серия 1. Филология. 2025. № 2 (2). С. 53–59.

13. *Ильичева И.Л.* Семиотические ресурсы выражения идентичности в медийном кластере Брестского региона // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 2. С. 47–56. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13205> EDN: DGDKYJ
14. *Багиян А.Ю.* Когнитивно-дискурсивное пространство профессиональной идентичности: системный подход к лингвопроектированию. *Пятигорск* : Изд-во ПГУ, 2024. 282 с.
15. *Асташкина П.Г.* Речевая репрезентация национальной идентичности в медиа: сопоставительный аспект // *Ученые записки НовГУ*. 2016. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-reprezentatsiya-natsionalnoy-identichnosti-v-media-sopostavitelnyy-aspekt> (дата обращения: 08.01.2026). EDN: WXDPER
16. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). *Астана* : Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. 259 с. ISBN 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT
17. *Côté J.* Identity Studies: How Close Are We to Developing a Social Science of Identity? An Appraisal of the Field James. In *Identity: an international journal of theory and research*. 6 (1). Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2006. P. 3–25.
18. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. *Москва* : Гнозис, 2003.

Сведения об авторах:

Поплавская Татьяна Викторовна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации, Белорусский государственный университет иностранных языков, Республика Беларусь, г. Минск, 220034, ул. Захарова, д. 21. ORCID: 0000-0002-3228-7750. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

Свистун Татьяна Ивановна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Белорусский государственный университет иностранных языков, Республика Беларусь, г. Минск, 220034, ул. Захарова, д. 21. ORCID: 0000-0001-9512-0686. E-mail: tess17@mail.ru